



Алиса Орлова-Вязовская

Детонька

Алиса Орлова-Вязовская

Детонька

«Издательские решения»

Орлова-Вязовская А.

Детонька / А. Орлова-Вязовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742492-3

«Сын пошел в отца», «Ты вылитая мать», «Вот гены отцовские!» Мы часто слышим эти фразы и часто произносим их сами. Так легче объяснить и свои успехи, и свои поражения. Нужно ли идти напролом к своему счастью? Или заранее ничего не ждать? Одна из героинь книги часто повторяла пословицу: «Как сам себе постелешь, так и выспишься», наверное, трудно с этим спорить. А может, стоит попробовать?

ISBN 978-5-44-742492-3

© Орлова-Вязовская А.
© Издательские решения

Содержание

Детонька	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Детонька

Алиса Орлова-Вязовская

Дизайнер обложки Марина Саенко

Редактор Людмила Яхина

© Алиса Орлова-Вязовская, 2021

© Марина Саенко, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-2492-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детонька

Влада нажала кнопку с номером семь. Зеркала в лифте не оказалось, пришлось копаться в сумочке, искать пудреницу. Так и есть, помада почти стёрлась. Лифт тряхнуло, жирная розовая полоска чиркнула по щеке. Влада чертыхнулась: всё, как нарочно, не по-людски. Дом какой-то дурацкий, лифт дурацкий, а мамино поручение самое дурацкое из всего. Зачем, зачем туда идти? Жили они как-то раньше без бабки и теперь бы обошлись. «Влада, детонька, сходи, проведай. Бабушка одинокая, кроме нас – никого. Может, она лежит бедная с инсультом, стакан воды некому подать». Тоже ещё нашла несчастную старушку! Да бабка, наверное, их всех переживёт. Вот пережила же она папу!

Влада протянула руку к звонку и с ужасом поняла, что напрочь забыла бабкино имя и отчество. Что-то замысловатое, для русского уха непривычное. Да она и слышала его пару раз, папа всегда едко называл её: «пани мамуся».

Что делать теперь? Сказать «здравствуй, бабушка» язык не повернётся.

За дверью звякнули ключи. В узком проёме показались сиреневые волосы и газовый шарфик блёкло-голубого цвета.

– Что нужно? Денег на домофон не дам, в Бога не верю, картошка не нужна, – послышался из проёма бодрый голос.

– Я Владислава Домбровская, Мишина дочка, – свистящим шёпотом произнесла Влада.

Сиреневые волосы подвинулись ближе. Морщинистые пальцы с маникюром ослабили узелок на газовом шарфике.

Открылась дверь квартиры напротив, соседка с любопытством оглядела Владу. И осталась стоять в дверях. Из пакета с мусором что-то капало.

– Добрый день, Стефания Юзёфовна.

– Добрый, – буркнула бабка. – У вас пакет протекает, загадите весь коридор.

– Ой, ну надо же! Это в нашем магазине такие худые пакеты дают, – тётка подвинулась ближе. – Я уже в ведро по два пакета ложу, всё равно протекает.

– Ну, так ЛОЖИТЕ по три! – рявкнула бабка и, схватив внучку за рукав, втянула в квартиру.

В полумраке прихожей поблёскивало овальное зеркало в серебристой раме с завитушками. Влада машинально взглянула: ну вот, лицо испуганное, растерянное. Вскинула голову, губы поджала. Она не побираться пришла, кто ещё кому нужен – неизвестно.

Когда Владислава вышла на улицу, моросил мелкий дождь и сумерки делали силуэты размытыми и какими-то тоскливыми. Нужно было скорей добежать до метро. Зонт, вот растяпа, забыла в общежитии. Теперь запросто может испортить дорогой Светкин костюм. За «аренду» однокурсница просила не меньше курсовой работы. Вот курица тупая! Ничего не соображает, а шмотки модные и дорогие. Ну ничего, Влада тоже когда-нибудь сможет покупать всё, что захочет сама, а не как Светка – на родительские деньги.

В метро толпился народ – час пик, ничего не поделаешь. Хотелось тишины, одиночества, всё продумать, «разложить по полочкам» беседу с бабкой. Мысли путались, в уши назойливо лезли чужие разговоры. В горле противно пощипывало. Ну точно, изжога началась. Это всё бабкин растворимый кофе, в который по глупой гордости Влада не положила сахар. И печенье не взяла, хотя есть хотела до обморока. Да и бабка не настаивала и не угощала. Стоит на столе вазочка с печеньем, хочешь – бери, нет – твои проблемы. Может, она ждала, что деревенская тетёха-внучка запустит пятерню в фарфоровую вазу и начнёт сметать всё подряд и чавкать в придачу? Ох, как хочется скорее доехать до общаги. Тогда Влада закроется в душевой и сможет спокойно всё обдумать. Сейчас в голове только отрывочные фразы, даже не фразы, а какие-

то облезлые хвостики из слов и ощущений. Но что самое удивительное и даже обидное – в итоге бабка ей понравилась! Это уж вообще ни в какие ворота! Хотя не то чтобы понравилась, а стала понятной, близкой, что ли? Вдруг вспомнилось, как увидела на стене своё фото большое в красивой раме. И долго не могла сообразить, откуда у бабки её фотография, а у неё самой длинное белое пальто? Когда наконец дошло, что это бабуса в молодости, даже мурашки побежали.

Память тут же услужливо подсунила самое обидное детское воспоминание. Тогда Влада в первый и, казалось, в последний раз увидела бабку. Отец вдруг отпросился с работы и повёз дочек в Москву. Владе было семь лет, сестре Аньке три года. Видимо, мать не знала о поездке, отец собирал их сам. Теперь понятно, что выглядели девочки ужасно. Плохо расчёсанные волосы, криво заплетённые в косички, сарафаны мятые и туфли «на выход» папа не нашёл. Так и отправились в стоптанных сандалиях на босу ногу. В электричке было жарко, едко пахло потом. Влада сидела у окна, сестра – на руках у папы. Рядом примостились ещё две тётки. Тесно, душно. Одежда прилипала к спине. Рубашка отца стала мятой, под мышками мокрые круги. Когда до них добралась продавщица мороженого, остались только резаные пополам пачки крем-брюле. Палочки тоже закончились, и Влада с Анькой перемазались до ушей. Мороженое таяло, коробки раскисли, сладкие капли падали на сарафаны, коленки и даже на сандалии.

После электрички надо было ещё ехать автобусом. Аньке всё нравилось, Влада злилась, интуитивно чувствовала, что ничего хорошего от поездки не будет. Сам дом и двор она не запомнила, в памяти осталась только круглая карусель. Мальчишки разбежались, держась одной рукой за железный поручень, и запрыгивали на ходу на деревянный круг. Отец оставил их возле телефонной будки и куда-то звонил. Потом усадил на скамейку, сказал: надо ждать, сейчас придёт бабушка.

Анька ковыряла песок липкой от мороженого рукой. Влада сидела насупившись. Вышла из подъезда незнакомая женщина в нарядном платье. Отец засуетился, поправил ворот рубашки, попытался пригладить волосы. Влада запомнила, что у женщины были бусы из крупных шариков и тонкий блестящий ремешок. Разговор взрослых не запомнился. Единственное, что врезалось в память – это брезгливо-жалостливый взгляд незнакомки, брошенный на отца и чумазую круглолицую Аньку. Мимолётный интерес вызвала лишь хмурая Влада.

– Что-то путное, возможно, получится из этой девчонки, – сказала женщина. – Как тебя зовут?

– Владислава, – буркнула Влада.

– Надеюсь, её жизнь сложится удачнее твоей. Вот возьми, больше я не могу и не хочу для тебя ничего делать.

Женщина протянула отцу какую-то бумажку.

– Мама! Зачем? Что ты делаешь? – болезненно сморщившись, выкрикнул отец.

– Ну, как сам себе постелешь, так и выступишься¹, – хмыкнула женщина.

Отец резко отвернулся, ссутулился, зашагал прочь. Влада схватила сестрёнку за руку, бросилась за ним. Почувствовала, что случилось что-то очень плохое, гадкое, о чём никогда и никому не следует рассказывать, даже маме. Только потом она поняла: отец был раздавлен встречей настолько, что совсем позабыл о семенивших за ним дочках. Влада боялась потеряться, боялась остаться с маленькой сестрой в этом незнакомом и плохом городе. Анька спотыкалась, маленькие толстые ножки заплетались. Влада грубо дернула сестрёнку за руку. Анька упала и заревела. От отчаяния расплакалась и Влада. Только громкий рёв отрезвил отца. Беспомощно топчась возле девочек, он уговаривал не плакать, дул на Анькину ободранную коленку. Стали останавливаться незнакомые люди, кто-то дал марлевую салфетку, что-то говорили, советовали отцу. Владе запомнились молодая девушка с парнем. Оба весёлые, за спинами рюк-

¹ Польская пословица («Jak sobie pościesz, tak się wyśpisz»)

заки. Парень строил смешные рожицы, девушка достала из кармана две конфеты «батончик». Анька успокоилась, слёзы высохли. Конфеты размягчились от жары, сестрёнка сразу сунула свою долю за щёку. Из рта потекла шоколадная слюнка. Влада продолжала реветь: не пойдёт она за руку с этой чуней! Отец уговаривал, пытался погладить по голове. Владислава увернулась, вытирала грязной ладошкой злые слёзы, кричала, что хочет домой к маме, сейчас же, немедленно. Подошёл милиционер, папа трясущейся рукой достал из кармана мятый паспорт, показывал, что девочки там записаны. Милиционер приложил руку к фуражке, извинился. Да, да, он понимает, у самого дети. Устали, наверное, толчея, шум.

В электричке Анька уснула с недоеденной конфетой за щекой. Влада полезла в кармашек сарафана, но вместо застиранного платка достала денежку.

– Что это, откуда ты это взяла? – испуганно прошептал папа.

– Мне та тётя дала, когда ты ушёл, мы с Анькой за тобой побежали, и я их в карман сунула случайно.

– Не надо, не надо было! Ни к чему это, не надо! – поморщился отец.

Уставился в окно, долго молчал. Влада так и сидела, зажав в потной ладони деньги. Отец горько усмехнулся, обречённо махнул рукой:

– Всё правильно, так и должно было случиться. Конечно, на что ещё можно было рассчитывать?

На перроне их встречала мама. Наверное, соседи рассказали. Владислава кинулась к ней, словно сто лет не видела, обхватила насколько хватало рук. Всю дорогу шла, прижавшись к маме, и подальше от отца. Папа нёс спящую Аньку.

Дома, уже лежа в постели, Влада видела через приоткрытую дверь, как мать гладила отца по плечу, что-то тихо приговаривала, монотонное, нараспев, словно укачивала малыша.

Потом родители много раз возили дочерей в Москву. Заранее готовились, наглаживали выходную одежду. Ходили в зоопарк, на аттракционы, ели мороженое в кафе. Но у Влады в памяти они смешались, следа не оставили. А поездку к бабушке она запомнила на всю жизнь. Это было похоже на ранку – не страшную, а так, вроде пореза от бумаги. И крови нет, и не видно толком, но саднит и саднит.

Странно, столько лет прошло и теперь она с бабкой встретилась и даже была у неё дома и кофе пила, и разговаривала, и разговор этот был ей интересен. Хотя к такому общению она не привыкла. Словно контрастный душ – горячо-холодно. Понятно же было, что бабуса в каких-то фразах откровенно хамит, говорит с издёвкой. Но говорит-то правильно! То, что у Влады было всего лишь ощущением, старуха облекала в слова. Выходит, она права?

Задумалась, проехала лишнюю остановку, вот дура! Теперь придётся по переходу тащиться. Толкотня, давка. Чужие мокрые зонтики капали на ноги. Перед Владой резко остановилась тётка с сумкой на колёсах, засмотрелась на указатели станций. Владу пихнули в спину и мужской голос произнёс:

– Ну, чо встала посреди дороги, курица?

Влада резко отошла в сторону, промолчала, мстительно наслаждаясь, как мужик, обрадовавшись свободному месту, налетел на тёткину сумку. Оба стали переругиваться, размахивать руками. За ними образовалась пробка.

– Дома не можете выясняться? – крикнул молодой парень в очках. – Понаехали!

– Они метро первый раз видят, – сладко улыбнулась Влада.

– Точно, девушка, и носит же их в час пик, – подхватил парень. – Вы идите сюда, а то совсем затолкают.

Молодой человек вежливо под локоток проводил к поезду, назначил свидание и телефон свой записал на красивом листочке из блокнота. Влада ему ещё раз улыбнулась, кокетливо помахала рукой. Вышла из метро и листочек выбросила. Не нужен ей такой. Раз в метро толкается, значит машины нет. Премного благодарны – толкаться в транспорте ухажер не нужен. Вот когда-нибудь она обязательно будет ездить только в машине.

Позвонила домой, трубку взяла сестра. Мама у тёти Наташи? Вот и хорошо. Просила передать, что у неё всё нормально, бабка жива-здоровая, чего и всем желает. Влада на выходные не придет – у них семинар – и вообще всё хорошо, потом ещё позвонит.

Сестра поняла, что подробностей не будет. Спросила только, не холодно ли в общежитии? Может, Владу привезти тёплую кофту и безрукавку, ну ту, красненькую, которую мама вязала? Влада хмыкнула: спасибо, не надо. Представила, как заявила бы к бабушке в безрукавке из ровницы. А сестре про семинар-то соврала. В субботу бабка пригласила, но дома пока про это знать не обязательно.

Отсидеться в душевой не вышло, там кто-то прочно застрял. Слава Богу, в комнате оказалась только Нинка. Лежала на кровати в наушниках и страдала над вымышленной и трагичной любовью. В соседней комнате орала музыка, слышался хохот и чей-то противный визгливый голос. Светка, наверное. Как её можно слушать больше пяти минут?

Влада, зажав уши ладонями, перечитывала конспект. Она привыкла зубрить ещё со школы. Материал запоминался легко, но отделаться от привычки учить всё чуть ли не наизусть уже не могла. Нинка так и уснула в наушниках. Ладно, действительно пора спать. Завтра тяжелый день, после института надо будет ещё на работу идти. Влада никому не говорила об этом. Незачем. Девчонки думают, что бегает она три раза в неделю на какие-то курсы. Вот пусть так и считают. Всё куда прозаичнее. С девяти до одиннадцати вечера Влада убирала непонятную контору. Сотрудники гордо именовали её офисом по продаже. Что продают – непонятно. Три комнаты, туалет и коридор, покрытый ковролином. Зато хоть какие-то деньги. Дома, сколько себя помнит, их вечно не хватало. А у кого денег мало, то и уважения никакого. Спасибо, этого она уже «наелась» до тошноты. «Не в деньгах счастье» – враньё, это бедные сами придумали, чтобы свою никчёмность оправдать. Сидят с голым задом и с голодухи умничают: «Лишь бы человек был хороший, любовь за деньги не купишь...» Ну да, языком-то трепать легче. Благородная бедность. Да как бедность может быть благородной?! Тьфу, глупости всё это. Ладно, спать нужно. Закрывать глаза крепко-крепко и в голове устроить сквозняк, чтобы все мысли выдуло. Вот у Светки, наверное, всегда сквозняк, мозги чистые-чистые, и серое вещество у неё не серое, а розовое со стразами, как её бриджи. Влада хихикнула в подушку. Сон так и не идёт. Осталось последнее средство. Маленькой Владе напевала прабабушка, баба Вера, а потом мама, и когда родилась Аня, пели ей, меняя в тексте имя. Надо только завернуться в одеяло до самого носа.

Уж как сон ходил по лавке

Дрёма по полу брела

Дрёма по полу брела

К Владе нашей забрела

К ней в кроватку забрела,

На подушку прилегла.

На подушку прилегла,

Владу ручкой обняла².

Главное, в смысл не вникать, лавки, ручки, сон, кровати. Для маленьких ведь всё равно. Интересно, а бабуся своим детям в детстве пела? Не пела, наверное... Дрёма по полу брела... брела... к ней в кроватьку...

Хорошо, что на занятиях Владе удалось собраться и все посторонние мысли вон. Ей нужен не просто диплом, а диплом с отличием. Получила же она в школе золотую медаль. Ну вот, и всё это не чудо и везение, это продуманный расчёт. Она должна доказать всем, и перво-наперво себе, что яблочко вполне может укатиться от яблони на приличное расстояние. Она заметила, как лисьи бабкины глаза на мгновение потеплели, когда Влада сказала про золотую медаль. И фразу из детства: «Может, из этой девчонки выйдет что-то путное», она ой как хорошо запомнила. Конечно, она любит родителей, но старуха права, они неудачники и вся их жизнь – одна сплошная неудача.

Сегодня бабка настроена более миролюбиво, хотя в высказываниях особо не стеснялась. Если человек называет вещи своими именами, чего ради миндальничать?

Влада в гости шла как на экзамен, за столом держалась так прямо, что спина заныла. Была голодная, как всегда, с тех пор как поселилась в общежитии. Деньги в первую очередь экономились на еде. А у бабуся на столе красная рыба ломтиками была разложена на продолговатой красивой тарелке. Какой-то салат незнакомый в глубокой вазе. И странные тёмные ягоды солёно-противного вкуса – маслины. Она их никогда не пробовала – гадость невыносимая, но не подавать же виду. Ой, мамочки, куриные окорочка, запечённые в духовке! Неужели отказаться придётся? Ножом аккуратно не отрезать, руками не возьмёшь.

Бабуся хмыкнула, заметила страдальческий взгляд внучки:

– Что передо мной-то ломаешься? Уже всё показала, что столовыми приборами владеешь. Бери руками, ешь, и так сидишь словно аршин проглотила. Вот привычки нищевые, так голодной останешься.

Вроде позаботилась о внучке, но не расслабишься. Прямо как по минному полю: неверный шаг, взрыв – и собирай ошметки своей гордости до следующего раза.

Да, старуха – кремень, никаких сантиментов. Через два часа внучку спровадила. Хорошего понемножку: поели, поговорили, пора и честь знать.

Странно, посуду помыть не дала, хотя Влада предложила. Боится, что дорогой фарфор кокнет, или ещё что-то? В квартире очень чисто, но судя по бабкиным ухоженным ногтям, вряд ли она хозяйством занимается. А может, делает всё в резиновых перчатках? Вообще, как ни крути, а за собой бабуся следит. Волосы уложены в затейливую причёску, цвет только уж очень экзотичный, лучше бы просто седыми оставила. Платье трикотажное, модное, сидит хорошо, морщинистую шею прикрывает очередной газовый шарфик, сегодня бирюзового цвета. Два крупных перстня на руке. Дорогие, наверное. Серьги тяжелые, массивные, бирюза в серебре. Глаза подкрашены. Бабуся похожа на иностранных старух, что ездят с фотоаппаратами по миру, не обременяя себя внуками. Вот бы посмотреть, какая она утром. А может, она так и спит в макияже и с причёской?

² Русская народная колыбельная песня

Отчего-то вспомнилось, как мама собиралась по утрам на работу. Невысокая, полная, уютная, она и на работе выглядела так же, как дома. Одно отличие – белый халат воспитательницы детского садика. Может, поэтому ребята всегда её любили: она была похожа на их мам.

А папа слишком отличался от поселковых мужиков. Мама была своей, отец – чужим. Влада начала понимать это только с возрастом. Поначалу совсем маленькой. Наверное, ей тогда года два было или три. Жили они в старом деревянном доме с мамой, папой и маминой бабушкой, бабой Верой. Баба Вера была небольшого роста, худая и ходила всегда в платочке. Лицо её сплошь покрывали морщины, а кожа мягкая-мягкая. Владе очень нравилось гладить бабу Веру по щеке. От прабабушки и пошло в их семье слово «детонька» и песенки, под которые засыпала Влада, а потом младшая сестра. Что-то было в бабе Вере неизъяснимо доброе, светлое, что делало жизнь уютной и счастливой. После дождя в доме пахло сыростью, в солнечные дни половики развешивали во дворе, но до конца запах сырости из них так и не выветривался. Владу купали в маленькой жестяной ванночке на кухне. Ещё был огород, в котором баба Вера, а вечерами и в выходные мама, что-то копали, поливали, собирали. И Владе нравилось тайком срывать крохотные огурцы размером с мизинец. Нравилось прятаться в зарослях лопуха за домом и ждать, когда баба Вера подойдёт близко-близко и удивлённо скажет:

– Ох, детонька наша потерялась, пойти, что ли, у Мявки спросить?

Мявка, нахальная кошка с полужакрытым глазом, покалеченным в драке, дремала на крыльце и бабе Вере не помогала. Тогда надо было выскочить самой и попасть сразу к бабушке в объятия. И тут же, как по волшебству, у Влады оказывалось в руке яблоко или карамелька.

Нравилось, когда баба Вера просила отца: «Миша, сыночек, калитка-то совсем завалилась, поправить надо».

Папа шёл чинить, но калитка соскакивала с ржавых петель, и мама спешила на помощь. Отец беспомощно разводил руками: «Ох, Галочка». Вдвоём они кое-как водворяли её на место и смеялись.

Может, тогда все были счастливы? Или так казалось Владе, потому что была маленькой.

Потом в посёлке построили четыре трёхэтажных дома, а старенький сырой дом сломали. Их квартира была на последнем этаже. И опять все были счастливы, не нужно ходить к колонке за водой и греть её в огромной кастрюле. И ещё был балкон, на котором можно сушить бельё. Вот только огород стал далеко. И бабе Вере приходилось мучительно дожидаться вечера, чтобы им заняться. Владу мама возила с собой в детский сад, а сестра была слишком маленькой и оставить её одну прабабушка не могла.

Новая квартира казалось очень большой и просторной. Влада только потом поняла, что денег на новую мебель у родителей не было. У дома почти каждый день останавливались грузовики, и весёлые разговорчивые дядьки тащили по этажам диваны, столы и обмотанные бумагой стулья. И громко на весь коридор кричали: «Хозяин, добавить бы надо, надорвались совсем».

По детской наивности Владе казалось, что такие грузовики с мебелью приезжают ко всем, кто заселился в новый дом. Но к ним никто не приехал.

А потом ощущение счастья стало сжиматься, сжиматься, пока не превратилось в маленький комочек. А со смертью бабы Веры пропало совсем.

Влада как-то быстро повзрослела, начала приглядываться, прислушиваться, словно пыталась найти причину исчезнувшего счастья.

Стефания Юзефовна выпускала из узких морщинистых губ струйку сигаретного дыма. Лисьи глаза полуприкрыты веками. «Пани бабуса», как про себя окрестила её Влада, наслаждалась очередным словесным выпадом. Нашла слабое место, нанесла удар – можно расслабиться. До встречи с ней Влада считала, что удачно научилась закрываться от всего, что доставляет

неприятности, обижает, ранит. А оказалось – вся защита похожа на раковину улитки. Слабенькое, ненадёжное укрытие. Пани бабуса расправилась с ним в два счёта. Хрустнул улиточный домик, одни осколки остались. Может, и стоило собрать их в узелок и молча уползти слизняком в траву, остаться безо всякой защиты? Как бы не так. Да, пани бабуса разгромила хрупкую раковину, но зато при каждой встрече щедро вручала внучке железную пластинку. Пожалуй, скоро из этих пластин соберутся славные доспехи, гладкие и блестящие, и ничего не сможет попадать внутрь. Всё будет отскакивать, не задевая хозяйку. И Влада станет такой же, как пани бабуса.

– А почему вы мне про дедушку ничего не рассказываете?

Пани бабуса хмыкнула.

– Тебя одолела жажда восстановления родственных связей?

– Нет, но...

– Твой дед был профессором и имел определённый вес в металлургической промышленности. А в жизни был слабым, ведомым человеком. Если бы не я, он так и остался бы простым доцентом. Михал пошёл в него.

– Какой Михал?

– Да твой отец конечно!

– Папу звали Михаил.

– Как же! Михаилом он стал из глупого желания досадить мне. Мой старший сын Марек был совсем другим. У него был сильный, волевой характер. Он точно знал, чего хочет. У Марека была гордость, заметь – не гордыня, а именно гордость. Его ждало блестящее будущее.

И Влада должна была выслушать и согласиться, что Марек был просто потрясающим сыном. Выходило, что за свои восемнадцать лет он успел больше, чем другие за шестьдесят. Ежу понятно, что Марек был копией своей матери, соответственно, обречённым на успешную и завидную жизнь. За что только ни брался гениальный Марек Домбровский, всё приводило к заслуженной награде. Если бы он пошёл в армию, то за короткий срок дослужился бы до генерала. Но Марек поступил в юридический ВУЗ. Впоследствии он, конечно же, стал бы великим адвокатом. Он побеждал в олимпиадах и конкурсах, играючи занимал призовые места в спортивных состязаниях. Изучал два иностранных языка. Он нравился девушкам. Влада так и ждала, что следующим подвигом Марека станет хождение по воде аки посуху. Она рассматривала фотографии: смазливый юноша с лисьими глазами пани бабуси и, судя по выражению лица и отрывочным воспоминаниям, обладатель чудовищного самомнения. Скорей всего, оно его и погубило. Спускаясь на лыжах на спор с горы, гениальный первокурсник Марек врезался в дерево. Сейчас окажется, что на среднерусском склоне горы рос баобаб, занесённый в красную книгу.

– Он умер моментально, слишком сильный удар. Марека не стало, у меня остался только Михал.

Влада слушала, поджав губы. Так распинаятся о старшем сыне – прямо и помер он не как все. Простой человек так, а великий Марек эдак. И выходило, что она жалеет, что старший успешный сын погиб, а младший неудачник остался. Хотя, наверное, и впрямь жалеет. Разве можно одного ребёнка любить, а другого нет? По-моему, их с сестрой любят одинаково.

Страшно даже представить, как мама жалела бы, что Анька умерла, а Влада осталась, или наоборот. Тьфу, тьфу, не дай Бог! Вот мысли дурацкие! Пусть все живут на здоровье и даже не болеют: ни мама, ни Анька, ни сама Влада. Хватит с них папиной смерти.

Ну, значит, умер Марек, и через несколько лет от сердечного приступа скончался дедушка, которого Влада увидела тоже только на фотографии. Худой дядечка с большими

грустными глазами сидел в массивном кресле, положив руки на открытую книгу. Вот на кого похож папа. Такие же глаза и даже узкие кисти рук с длинными «музыкальными» пальцами. Профессор Борис Семенович Ключев. Хм, значит, пани бабуся записывала детей на свою фамилию. Ну, положим, Анька Ключева звучит вполне логично, а Владислава Ключева – не очень.

Влада давно заметила, что бабушка очень гордится своими польскими корнями и всячески это подчёркивает. Бедный папа, наверное, надеялся, что, назвав дочку Владиславой, растрогает пани бабусю. Как бы не так, её ничего не может растрогать, Стефания Юзефовна накрепко закована в свою стальную броню. А может, так и надо? Попробуй задень, и прётся она по жизни как танк, и получает всё, что считает нужным. Ни тебе переживаний, ни страданий, вон даже про ненаглядного Марека говорила – и ни слезинки.

Влада вспомнила, как умер папа. Позвонила Анька, плакала, толком ничего объяснить не могла. Это произошло совершенно неожиданно: просто присел на диван, пожаловался, что сердце кольнуло, и всё! Она тогда сорвалась домой и всю дорогу сидела как на иголках. Электричка тащилась как нарочно медленно, казалось, что делает остановки даже там, где и станций-то нет. Целую вечность ждала на остановке распроклятый старый поселковый автобус. Присесть так и не решилась, кружила вокруг остановки, кидалась на каждый звук проезжающих машин. Подвезти никто не хотел. Остановились только раздолбленные жигули с целой компанией подвыпивших парней. Конечно, сесть к ним не решилась. Вспомнилось мамино опухшее от слёз лицо. Глаза стали блёкло-голубыми, какими-то прозрачными, словно мама со слезами вымыла из них цвет. Анька плакала тихо-тихо, прижимая ко рту мокрый платок. И от этого становилось её невыносимо жалко. Не плакала только Влада. Нет, тогда она ещё не была одета в броню, как пани бабуся, просто злилась на всех. И злость была сильнее горечи. Злилась на соседей: припёрлись! Что, Мишу покойного жалко? Его же никто в посёлке не уважал. Не рукастый, не ухватистый, никчёмный. Между собой жалели Галю: нашла мужа, даром что москвич. Явились, лица постные, вроде как посочувствовать. Ну как же, развлечений никаких, сериал бразильский закончился, а тут какое-никакое зрелище. Теперь хоть есть о чём поговорить. Вот какие они добрые – и вдове посочувствуют, и дочек пожалеют. А что, машину-то заказали? И во сколько же стало? Да ведь и поминки надо делать – на такую зарплату не разгуляешься, должно быть, занимать придётся. А старшая-то девчонка – ни слезинки, глазами так и сверкает как кошка.

Влада больно прикусила губу и крепко зажмурилась: папа лежал в гробу, обтянутом дешёвенькой тканью. Тонкое интеллигентное лицо казалось таким уставшим и совсем не уместным здесь. Словно это был чужой дом, чужой мир, и по чьей-то жестокой прихоти его сюда принесли. Как прощались, помнила плохо. Чувствовала только тёплую Анькину руку, в которую вцепилась со всей силы. Как шли с кладбища, обняв с двух сторон маму и прижавшись друг к другу, словно пытаясь стать одним существом. И как после поминок сидели на диване, погасив свет, и молчали. И Влада вдруг почувствовала, как сильно она любит маму и сестру. Не вернётся она в институт, не надо ей этой Москвы. Закончит какой-нибудь техникум и останется с ними, и будут жить они все вместе. И мама с Анькой уговаривали её учиться дальше. Влада ведь умница каких поискать! Золотую медаль не каждому дают. А уж папа-то радовался её успехам. И Влада согласилась. Да, она продолжит учиться, но только ради папы.

А теперь Влада приезжает домой редко. Проводит время с пани бабусей. Нет, никаких родственных чувств и тем более любви они друг к другу не испытывают. Но какая-то тайная близость словно роднит их друг с другом. Влада столько лет растила и лелеяла свои обиды на жизнь и подчас, казалось, на пустом месте, а бабушка подтвердила, что внучка обижалась правильно. И даже вскользь похвалила, что она сумела вовремя понять, как надо жить,

а не покатила по накатанной, но чужой для неё дорожке. В ней хорошие задатки, правильные. Такая дочка могла бы родиться у Марека. Размазне Михалу случайно повезло.

Владе очень нравилось слушать о своём волевом характере и правильных задатках, но за папу обиделась и поджала губы.

– Мне, пожалуй, пора, – холодно произнесла она.

– Ой, напугала, – насмешливо хмыкнула пани бабуса.

Влада уходила с твёрдым намерением больше с бабушкой не общаться. Но проходило несколько дней и всё повторялось. Повторялось как у малышни во дворе: «Больше никогда с тобой играть не буду! Я с тобой не дружу! Вечером гулять выйдешь?»

Теперь, глядя в зеркало, Влада с удивлением замечала, что превращается в другого человека. Исчезала хмурая девочка, появлялась молодая женщина с презрительным взглядом лисьих глаз пани бабуси.

Даже мама с сестрой заметили.

– Плохо тебе там, тяжело, да? – участливо спрашивала Анька, стараясь придвинуться ближе, заглянуть в глаза.

– Влада, детонька, ты совсем себя заморила! – вздыхала мама. – Поесть-то, видно, не успеваешь толком. Может, дома поживёшь? Вон многие ребята в институт с утра едут, вечером – домой. И поесть приготовлено, и кровать своя. И заниматься легче – никто не помешает.

Но Влада отмахивалась. Ещё не хватало! Ей и так еле-еле дали место в общежитии, пожалели отличницу. Там до института две остановки, можно и пешком пробежать при хорошей погоде. А так вставать в пять утра и нестись сломя голову на первую электричку. И метро: потное, шумное, галдящее. А вечером опять тащиться в транспорте и всё ради того, чтобы проглотить засыпая на ходу тарелку маминого супа и рухнуть в собственную кровать?

Влада других доводов приводить не стала. Ни мама, ни Анька не смогут понять, что она увидела кусочек другой жизни. Пока именно кусочек, всё равно как в приоткрытую дверь смотрит, зайти ещё не решается. А зайти ой как хочется.

В выходные помогала маме с сестрой на огороде. И как им не надоест? Мокли в ведрах вонючие стебли чеснока, за водой надо спускаться вниз к жалкой узкой речушке. Крошечный щитовой домишко со старым столом и кушеткой. Даже от дождя не укроешься: протекает крыша. В углу лопата, грабли, тяпка и садовые ножницы. Возле домика ржавая металлическая бочка для воды. И даже в дождливое лето она не набирается доверху и за водой по-прежнему надо идти вниз. Кусты чёрной смородины, покрытые паутинками. Одинокая яблоня с побеленным извёсткой стволом. Грядки, на которых согнувшись копошатся мать с Анькой. Вот радости-то! Можно подумать, с голоду умрут, если расстанутся с жалким кусочком земли. Урожай с гулькин нос, а возни месяцами. Ладно бы, как у Семькиных, всё засажено клубникой на продажу. Или Морозовы, что растят только картошку и продают дачникам. Хоть понятно, за что горбчатся. А мать с сестрой ради чего?

То ли дело провести выходные в городе с пани бабусей. Поначалу Влада, конечно, не рассчитывала на такой аттракцион невиданной щедрости. У бабушки была отвратительная манера: любое благое дело она предваряла язвительным замечанием. И получалось по принципу: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Например, заявила, что в субботу Влада идёт с ней гулять. Вся прогулка заключалась в неторопливом шествии по очередной нарядной улице в центре до ближайшего кафе. Там пани бабуса могла сидеть по несколько часов кряду. Влада подозревала, что бабушке просто нравится угодливое обращение официантов. Но внучке предварительно сообщалось, что они гуляют только из-за того, что своими дешёвыми сигаретами Влада провоняла всю квартиру. Уж если куришь, так покупала бы приличные. Сама пани бабуса курила ментоловые тоненькие сигареты. Для внучкиного кошелька почти

недостижимые. Теперь Влада с каждой стипендии покупала пачку дорогих сигарет и курила их только при бабушке. Первый свой поход в кафе она запомнила надолго. Стефания Юзефовна, не глядя в меню, сделала заказ, а Влада, увидав цены, похолодела. Долго мялась, высчитывала в уме, складывала и вычитала. И, сбиваясь, начала мямлить, что буквально недавно так наелась, что ей кроме шарика мороженого ничего и не хочется. Пани бабуса хмыкнула и сказала, что у Влады в глазах мелькают цифры, как на калькуляторе.

Внучка беспомощно огрызнулась, что привыкла рассчитывать на то, что есть. Бабушка выдохнула из узких губ струйку ароматного дыма и обозвала Владу дурой.

– Если рассчитывать на то, что есть, так больше ничего и не прибавится. Кто много хочет, тот много и получает. Не повторяй ошибок своих родителей. Их всё устраивало, вот и прожили жалкую никчёмную жизнь в этом вашем Запердольске.

Владе хотелось схамить что-нибудь в ответ, но веских аргументов не нашла. Смогла только прошипеть, что если бабушка не помнит, то малая родина внучки называется Шатрово.

– Ай, да какая разница? – скривилась пани бабуса. – Всё одно – Запердольск.

Потом Влада уже привыкла, что походы в кафе оплачивает бабушка. Стефания Юзефовна объясняла, что, мол, кто пригласил, тот и платит, а вовсе не из христианского милосердия. А Влада для себя решила, что пани бабуса таким способом замаливает старые грехи: всю жизнь на внучек не тратилась. Жалко только, что на Аньку такой щедрости не перепало. Ничего, вот станет Влада обеспеченной и успешной и обязательно пойдёт с сестрой в дорогое кафе. Так же, как пани бабуса, вальяжно сядет нога на ногу и станет, не глядя на цены, заказывать всё подряд. И официантки будут так же ласково улыбаться и предупредительно менять на столике пепельницу с одним-единственным окурком.

Конечно, обидно слушать, когда бабушка язвит о родителях, но, пожалуй, в чём-то она права. Владу всегда удивляла мамина наивная вера в повсеместное добро. Солнце светит – хорошо, дождь пошёл – тоже хорошо, денег нет – так зарплата скоро. Муж ничего толком по хозяйству не умеет, так зато он умный. Старшая дочка вечно насупленная – так у неё одни пятерки, устает очень. Телевизор не цветной, а когда его смотреть-то? Чего Бога гневить, раз всё у неё хорошо? И младшая сестрёнка была точной копией матери. Влада даже ей немного завидовала. Анька словно не замечала, что живут они по поселковым меркам плохо, скудно. Что соседи за спиной с удовольствием злословят: «Галькин муж – никудышный мужик. Ни по хозяйству, ни денег в дом, ни достать чего. Даже пьянице Тимохину больше уважения – вечно с похмелья, а электрик высшего класса. На ногах не стоит, а проводку провести, или розетку, или там починить телевизор – всегда пожалуйста. У соседей и дачников нарасхват. Родионов – жучила каких поискать, по морде видно – жулик. Однако в 90-х Родионов первый поставил в посёлке палатку. Сам ездил за товаром, жена сидела за прилавком. У Стрельниковой муж в ГАИ работает, Семькины и Морозовы торгуют на рынке. Конечно, не все зарабатывают по совести, но хоть стараются, чтобы дома достаток был. А у Гали пропащий муж. Что это за работа для мужика в детском саду на пианино играть? Это ещё жене спасибо, упростила, чтобы взяли. А раньше в школе учителем музыки работал. Поселковая школа была маленькой, закрыли её, ребят стали в районный центр возить, а там своя учительница есть. Уж лучше бы на бухгалтера выучился, раз руками ничего делать не умеет. Одно время выпивать начал, но и тут компанию поддержать не смог. Выпьет, засмущается и домой. Как Галя его терпит?

В школе Влада решила, что взять ей, кроме как учёбой, нечем. Пусть зубрилка, зануда, пусть. Поставлена была цель, золотая медаль, а остальное неважно. И даже легче прослыть нудной отличницей, чем чувствовать себя хуже всех. Можно не выходить вечером гулять с одноклассниками, не шептаться на перемене с закадычными подружками, спряталась за книжку и всё – я в домике. В седьмом классе многие девчонки прокололи уши. Крошечные золотые

шарики были предметом гордости. Ну и ладно, ну и не надо, когда-нибудь у Влады будут такие серьги, что вам и не снилось. Мама предлагала купить простенькие «гвоздики», их между собой называли «медицинские», Влада отказалась, папа с гордостью сказал, что дочка умница: лучше золотая медаль, чем серьги. Она кивала, вроде как согласна. Ничего, ничего, вот посмотрите, она будет жить в городе, даже не в районном центре, а вообще в Москве! И как приедет однажды в посёлок такая благополучная, такая шикарная, что все рот разинут: это что дочь Миши-интеллигента так в люди вышла? Вот это да! Кто бы мог подумать! И этим появлением Влада им всем отомстит. За что конкретно собралась мстить, она сама не знала. Да какая разница?

Влада очень хорошо запомнила, как на выпускном награждали медалистов их всего двое было: она и Лидка Терехина. Но Лидка получала всего лишь серебряную медаль, да и то больше за оголтелое рвение в общественной работе. И как чужие родители завистливо поглядывали на папу с мамой. Для Влады это был сладкий миг достигнутой цели. Хотя бы на несколько минут отец стал удачливым счастливчиком. Значит, правильно Галя говорила: муж умный, дочка, видно, в него пошла. Ну хоть какой-то толк от мужика. Но триумф продолжался недолго, уже на следующий день всё опять стало по-прежнему. И о них опять все забыли. Гораздо интересней посудачить о Гридневых, как их Наташка, только закончив школу, выходит замуж. У отца жениха, между прочим, своя автомастерская в городе. Вот повезло! Мишина дочка поступила в Московский ВУЗ. Ну хорошо, а что ещё ей делать? Не пропадать же медали. Если повезёт, выйдет замуж за москвича или пристроится на хлебное место.

Пусть конечная цель королевского появления в посёлке ещё не достигнута, но теперь Влада чувствовала себя уверенней. За спиной незримо стояла пани бабуса, нагловатая, язвительная, знающая себе цену. Маме о бабушке сообщала скупко: мол, ходит иногда проведать, ну кофейку попьет, так – ничего особенного. Только ночью рассказывает Аньке о дедушке, Мареке и самой бабушке.

Сёстры забрались в одну кровать, и Влада шёпотом говорила и говорила. Анька охала, иногда хватала рассказчицу за руку:

– И что, Марек так насмерть и разбился?! Ой, бедная! Такого молоденького сына схоронила!

Анька готова зареветь от жалости и сострадания к пани бабусе. Жалобно всхлипывала: дедушка-то, оказывается, как рано умер. Бедная, бедная женщина, столько перенесла, может, и характер испортился поэтому. Влада хмыкнула в точности как Стефания Юзефовна: характер испортился? Да она с таким родилась!

Анька, заслушавшись, машинально двигалась в сторону старшей сестры, ещё чуть-чуть – и, как в детстве, окажется на полу рядом с кроватью. Владу то смешила, то раздражала Анькина манера смотреть в рот рассказчику. Когда девочки были маленькими и папа читал им вслух, Владиславе было достаточно прильнуть к его боку, а младшая сестрёнка начинала ёрзать на диване, стараясь придвинуться к папе близко-близко, и зачарованно смотрела, как его губы произносят слова. В итоге, если Влада не успевала заметить, Анька кубарем скатывалась с дивана, но плакала не от боли, а оттого, что по глупости прервала интересную историю.

– Ань, подушка уже съехала, сядь ты как человек! Брякнешься, маму разбудишь! – зашипела Влада. – Ну, слушай дальше...

И вот перед младшей сестрой проносилась история папиной родни, тех, о ком ни она, ни мама и до недавнего времени сама Владислава ничего не знали. У них ведь из родственников была только прабабушка Вера.

Старшая сестра рассказывала интересно, словно передавала сюжет старого фильма. Такого старого, что картинки перед Анькой возникали чёрно-белые и раскрашивались по мере

приближения к современности. И начиналась история как в сказке: В давние, давние времена... Прадедущка Юзеф, двадцати с небольшим лет, похоронил родителей и получил в наследство покосившийся домик и десятилетнюю сестру Зосю. Вот родители молодцы! На старости лет «слепили» себе снегурочку! По-хорошему, надо было отправить сестру в детский дом. У него пока ни кола ни двора, только огромное желание жить в большом городе и не как-нибудь, а богато. Конечно, Зоська получается гиря и хвост. Но, поразмыслив, хитроумный Юзеф (пани бабуся наверняка пошла в него) продал дом-развалюху и, прихватив сестрёнку, отправился за счастьем.

Самым близким большим городом был Миасс. И вот правдами и неправдами Юзеф начал налаживать жизнь. И Зоська из гири превратилась в счастливый билетик: как отказать в помощи молодому парню на руках, у которого сирота сестрёнка? Юзеф наловчился проходить в разные кабинеты к важным начальникам, толкая впереди себя сестрёнку. В зависимости от наставлений брата, Зося или жалостливо всхлипывала, теребя выцветший подол старенького платья, или мило улыбалась, встряхивая кукольными локонами.

Наедине Юзеф шёпотом втолковывал сестрёнке, что сирот и без неё хватает, главное, нужное впечатление произвести. Зося уже поняла, что, если хозяйка важного кабинета некрасивая и суровая тётка, надо гладко заплести волосы в косу и в руках желательно держать правильную книгу. Какую именно, девочке было всё равно, читать она не любила. А когда за столом сидит грузный пожилой дядечка, надо испуганно прижиматься к брату. У таких дядек обычно были свои дети или даже внуки. Они-то счастливчики, жили при маме с папой, а Зоська бедная сиротка. Как не пожалеть?

В итоге Юзеф добился ордера на комнатёнку, правда, на окраине города и в густонаселённом старом доме. И пристроился работать не на завод, а в ресторан при вокзале.

Через два года он женился. Буфетчица Наташа была некрасивая, высокая и худая, как палка. К тому же на шесть лет старше. Но у неё была большая комната в доме, что стоял почти на центральной улице. Отчаявшись когда-нибудь устроить личную жизнь, Наташа Вострякова была рада-радёшенька.

Когда родилась Стефания, дом почти соответствовал мечтам родителей о правильной жизни. На окнах в два слоя висели занавеси шёлковые с вышивкой и бархатные с бомбошками. Стол накрывался ковровой скатертью, поверх неё – тонкая с узкой кружевной каймой, а на неё уже стелилась клеёнка. В «горке» за стеклом красовались хрустальные рюмочки, фужеры цветного стекла, пузатая сахарница с серебряной крышкой. Огромный ковёр спускался со стены прямо на кушетку. Шёлковый абажур настольной лампы, обшитый бахромой. Отец с матерью работали в ресторане, домой возвращались поздно, и маленькая Стефа была на попечении Зоськи.

Несмотря на разницу в возрасте и невзрачную Наташину внешность, Юзеф был вполне доволен своим браком. Жена полностью разделяла взгляды мужа на жизнь. Дружбу вели только с нужными людьми. К себе почти никого не приглашали и сами по гостям не разгуливали. Чего гуртом собираться? Есть семья, свои, а чужие им без надобности. Лишние завидующие глаза ни к чему. Теперь осталось дожидаться, когда сестре исполнится восемнадцать лет и выдать её замуж за большого начальника. А что? Зоська хорошенькая блондинка с маленьким аккуратным носиком и голубыми, блестящими, словно эмаль, глазами. А зять-начальник в семью нужен до зарезу. Спокойнее будет. И так они вынуждены разогревать ресторанный еду на керосинке прямо в комнате. На общей кухне под бдительными взглядами соседей мать варит картошку и постные щи. За шкафом, словно в норе, мешки и банки с провизией. Так и томится в шкафу не надёванная шуба. В холщовой мешочке под кроватью за вынутой половицей припрятаны кольца, серьги с жемчужинками, браслет чёрного серебра и с десяток золотых монет. Да ещё отрезки ткани, батистовая скатерть с вышивкой и бархатное одеяло,

Зоське на приданое. И что? Живи с оглядкой? Недавно пришлось маленькой Стефке отвесить хорошую оплеуху, чтобы не таскалась по общему коридору с пирожным в руках. Заодно и Зосе шипящим голосом высказать: хороша нянька, не уследила. Но на неё грех жаловаться: почти каждый день, взяв с собой Стефу, она, выйдя из комнаты громко спрашивала:

– Тётя Наташа, чего на ужин-то купить?

– Капусты кочанчик помельче да картошки. А если денежка останется, то баранку с маком для маленькой, – постным голосом вещала из-за двери мать.

Ленивая на учёбу Зося, окончив с грехом пополам семь классов, ждала, когда брат с женой найдут жениха начальника или, на худой конец, пристроят её в буфет при ресторане.

Но свадьбы Зоськи родители не дождались. У Наташи померла в деревне тётка. Старуха была одинокой, и родственники давно о ней позабыли, а теперь выходит, какое-никакое наследство. Вроде дом у неё был свой. Да и мало ли одинокий человек добра мог нажить? Тратиться-то не на кого.

Родители мигом собрались. Путь неблизкий, надо поездом часа три ехать, а там, может, повезёт, и попутная машина попадётся или подвода.

Наследство оказалось ерундовое. Избу сумасшедшая старуха отписала колхозу! Только и осталось, что перина, три подушки и по мелочи ещё. Зря только на дорогу потратились. Но не бросать же. Увязали два узла и отправились восвояси. Зимний день угасал быстро, в темноте да с узлами страшновато. И мать с отцом решили сократить путь. До моста часа полтора ходу напрямки через замёрзшую речку, в полчаса обернутся. Коварная полынья словно нарочно поджидала самонадеянных путников. Ровно на середине реки лёд под ногами предательски хрустнул. В сумерках заметили их не сразу, и когда подоспела помощь оказывать её было уже некому.

Зарёванная Зоська мигом пришла в себя, когда к ним явились тётки из женсовета. Вспомнив, что покойные брат с женой незваных гостей не жаловали, наскоро вытерла слёзы, пригладила волосы и вышла в коридор. К ним нельзя, Стефка плакала, теперь задремала, пусть поспит. Нет, ни в какой приют племянница не пойдёт. Зосе через полгода восемнадцать исполнится, имеет право девочку у себя оставить. Пусть лучше пособие оформят по потере кормильца, Стефка же получается круглая сирота, да и Зося круглая сирота. Им положено.

Она говорила убедительно, доказывала, что почти уже комсомолка и воспитает племянницу достойным советским человеком. Бессознательно Зося повторяла то, что когда-то говорил её брат. Хотя после пламенной речи в комсомол ни Юзеф, ни Зося так и не вступили.

Но женский комитет согласился. Пусть девочка остаётся с молодой тётёй. Конечно, их без надзора не оставят и будут проверять и помогать. А в детском доме и так хватает сирот. Вон сколько за последнее время выявили врагов народа, их детей надо воспитать в верном партии духе. А тут происхождение самое что ни на есть пролетарское – скромные работники пищеблока. Пусть живут.

Стефанию действительно пристроили в детский сад. И Зосе пришлось устроиться на работу. От слов завод или фабрика девушку кидало в дрожь. Пошла в ателье ученицей. Вечерами Зоська пролиwała злые слёзы, глядя на исколотые не привычные к шитью пальцы. Не о такой жизни она мечтала. Братец с женой молодцы, из-за паршивого барахла обрекли их со Стефкой на такую жизнь. Спohватившись, она испуганно крестилась и просила покойным Царствия Небесного.

Все тайники в комнате она давно нашла. Вечерами, накрепко заперев дверь и задёрнув тяжелые занавеси, бережно перебирала их содержимое.

Нет, не останется Зося влачить жалкое существование портнихи. Брат смог, и она сможет. На ночь, уложив Стефанию спать, вместо сказки она говорила, как чудесно они заживут. Уедут далеко-далеко, может даже, в самую Москву, и будут как сыр в масле кататься. Как и когда, она

ещё не знает, не придумала. Но так будет, пусть Стефка даже не сомневается. Только молоть языком об этом нигде и никому не следует. Иначе Зося этот язык просто-напросто оторвёт. И вообще, верить можно только ей и уши не развешивать.

Маленькая Стефа преданно моргала лисьими отцовскими глазами и на всякий случай прятала язык за щёку и сжимала губы покрепче.

В конце весны Зоська выпроводила племянницу на дачу под присмотр воспитателей. Но не прошло и месяца, как детей спешно вернули по домам – началась война.

Первые дни испуганная Зося убеждала себя и Стефанию, что это ненадолго: сейчас красная армия разобьёт врага и с победой вернётся. Но чуда не произошло. Из их дома уходили добровольцами мужчины и молодые ребята. Ушли на фронт почти все Зоськины одноклассники. Молоденькие девочки из ателье каждый день провожали кто брата, кто отца, кто жениха.

Леся и Валя записались на курсы медсестёр. Зоська мысленно поблагодарила судьбу, что у неё на руках маленькая племянница. Теперь она перебирала не тайники с колечками, а тщательно пересматривала запасы еды. Всё-таки брат с женой молодцы, земля им пухом, на полках, скрытых занавеской – мешки с крупой и солью. Жестяные банки с постным маслом, о которых Зося давно забыла. И чугунок, прикрытый чистой холстиной и накрепко обвязанный бечёвкой, доверху набитый колотым сахаром.

Зося ругала себя на чём свет стоит, обзывала себя курвой поганой. Почему раньше не полезла посмотреть запасы! Всё колечки разглядывала, а им что сделается? Теперь пришлось тщательно просеивать муку, искать жучков. Масло прогоркло, крупу пришлось перебирать руками.

На работе она стала потихоньку отматывать нитки на кусочек картона и уносить домой про запас. Каждый раз Зося обмирала от страха, что её поймают и посадят в тюрьму как врага народа и вредителя.

Война не заканчивалась, а жизнь становилась всё скуднее. Зимой Зоська перестала водить племянницу в сад. Ну да, там кормили, но топили плохо и тащить по морозу закутанную поверх пальтишка в материну шаль девочку толку никакого. Шестилетняя Стефка вполне может сидеть дома одна. Топить железную круглую печку ей не разрешалось. До Зосиноного прихода она сидела в кровати, завернувшись в бархатное одеяло из тётиного приданого. Рядом – замотанная в старенький шерстяной платок кастрюля с картошкой или кашей. Под подушкой – кусочек твёрдого, как камень, сахара ещё из старых запасов. Всё равно неуютно и тоскливо.

Пани бабуса вспоминала, что была абсолютно уверена: пронырливая Зоська обязательно найдёт выход. Так и случилось.

Из чужих разговоров выяснилось, что на завод прислали главного инженера из самой Москвы! Он-то Зосе без надобности, а вот его супруга...

В ателье с удовольствием сплетничали, что инженерша настоящая барыня. То подай, это прими. Уж такая важная, чего доброго решится кухарку завести, как при старом режиме.

Зося, словно охотничий пес, наострила уши. И вскоре действительно напросилась к инженерше в помощницы по хозяйству. Вероника Антоновна и впрямь оказалась вальяжной дамой с барскими замашками.

Для посторонних было сказано, что Зоську взяли только из-за желания помочь. Девочка молодая, сирота, да к тому же с племянницей на руках. А работа нетяжелая, так, по мелочи: постирать чего или пыль смахнуть. Сама Вероника Антоновна дама грузная, до верхних полок никак не достанет, а Зоська юркая, ловкая. Это для неё и не труд, а так, забава.

Зося улыбалась, скромно опускала глаза. Дома, не стесняясь в выражениях, до слёз смешила Стефку, передразнивая свою хозяйку. Называла её ясновельможной пани и толстозадой курвой.

Конечно, пристроилась, по своему мнению, Зося удачно. Это тебе не у станка надрываться и в ателье иголкой орудовать замёрзшими пальцами. И даже под бдительным оком

инженерши она умудрялась утащить домой что-нибудь вкусненькое. А в один прекрасный день в хитроумную Зоськину голову пришла очень выгодная идея.

Всю ночь Стефка спала в платке с накрученными на свёрнутые бумажки прядями волос. Одета в последнее нарядное платье с надставленным подолом и получившая строгие наставления, отправилась она к инженерше вместе с Зоськой.

Она всё рассчитала правильно. Бездетная, скучающая Вероника Антоновна тотчас умилилась.

Ах, какой ребёнок! Чудо, просто ангелочек с Рождественской открытки! Очаровательные золотистые кудряшки, а глаза, а маленький рот. И даже имя у девочки такое редкое, красивое – Стефания. Куколка, ну просто куколка!

Инженерша заполучила очаровательного ребёнка, которого с удовольствием показывали гостям. И грустным шёпотом передавали историю несчастной Стефочки, в одночасье потерявшей обоих родителей.

И все были довольны: Зоська уверенно двигалась к тайной мечте, а Вероника Антоновна сразу остановила сплетни и разговоры. Какая же она барыня? Она просто добрая женщина, взяла под опеку двух сироток. И Зося, и Стефочка ей почти как дочери.

По-хорошему надо было бы записать племянницу в школу, но Зося и Вероника Антоновна решили, что девочка слишком слаба и мала. Пусть пропустит год. И детство будущей пани бабуси продлилось.

Стефания хорошо помнила новогодний праздник, на который её взяла Вероника Антоновна. Инженера и ещё нескольких работников завода награждали орденами. Ради такого случая инженерше и Стефании сшили новые платья.

Возле большущей нарядной ёлки, в начищенных до блеска ботиночках и с шёлковым бантом из Зосиной косынки Стефка трогательно читала стихи о заботливом вожде. Весь текст уже и не вспомнить, только окончание: «...Бьют часы двенадцать раз. Новый год в Кремле встречая, Сталин думает о нас».

Зося ждала племянницу в коридоре. На банкете оставались только взрослые. Инженер Егор Капитонович вывел девочку сам, настроение у него было отличное, сунул Зоське в руки большой бумажный пакет с провизией, подмигнул и велел обождать на улице. Тётя с племянницей притоптывали ногами на крыльце. Мороз в предновогодний вечер ударил нешуточный. Наконец вышел Егор Капитонович и протянул Зосе бутылку вина:

– Спрячь, спрячь получше, будет чем праздник отметить.

Замёрзшие, уставшие, но довольные вернулись домой. Так и не затопив печку, начали разбирать пакет. Несколько яблок, немного леденцов, банка консервов, мешочек с мукой, крохотная палочка дрожжей, четыре грецких ореха, завёрнутые в блестящую бумагу. Такие орешки висели на большой ёлке, Стефка умудрилась два из них тихонько утащить. И ещё мешочек с крупой.

Зося поставила на стол миску с варёной картошкой, открыла консервы. Налила себе и племяннице вина в крохотные рюмки.

– Ну, Стефка, с Новым годом! И за нашу счастливую жизнь на новом месте!

– На каком? – запихивая в рот тёплую картошину, спросила племянница.

– Вот бестолковая, – засмеялась Зося. – За Москву!

– За Москву, – послушно повторила Стефа и, зажмурившись, выпила горьковатую красную жидкость. И через несколько минут она заснула прямо за столом, прижав к себе надкусанное яблоко.

Вероника Антоновна начала уставать от роли благодетельницы. Стефания росла, кукольная внешность проходила. К тому же лень к учёбе она, должно быть, унаследовала от своей тёти. Инженерше совсем не нравилось, что, встретив на улице учительницу, приходилось

выслушивать, что Стефа опять не выучила уроки. В конце концов, она ей не мать. Да ещё муж как-то слишком много стал улыбаться Зоське. То его вообще дома почти не застать, а теперь стал являться к обеду. Сделала доброе дело и хватит – хорошего понемножку. Веронике Антоновне хотелось поскорее вернуться в Москву и зажить своей прежней жизнью. Тем более Егор Капитонович обмолвился, что это вопрос времени и довольно скорого.

Как быть? Ведь для всех они уже практически удочерили Стефу. Проныра Зося давно догадалась о метаниях инженерши. И, улучив момент, прямо без всяких намёков предложила выход.

Инженер помогает им со Стефкой уехать, документы и всё такое. А там дорожки их расходятся. За доброту спасибо, конечно, но каждому своё.

От радости, что вопрос так легко разрешился, Вероника Антоновна приложила все мыслимые и немыслимые усилия.

Вот так, в марте 1945-го, пани бабуса оказалась в Москве. По всему выходит, что Зоська исполнила обещание, а уж каким способом – неважно. Всё неважно, когда идёшь к своей цели. А думать и рассуждать, что хорошо, что плохо – лишняя забота, ненужные церемонии.

За окном начинало светать. Сёстры давно перебрались из комнаты в кухню. Анька умудрилась-таки свалиться с кровати, заслушавшись о походе родственницы Зоси. Влада шёпотом обозвала сестру кулёмой и бегемотом, хорошо хоть мама не проснулась. Сна ни в одном глазу, сёстры обсуждали рассказанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.